

Оригинальная статья
УДК 303.01; 314; 001.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87>

Кому нужны традиционные ценности? Проблема интеграции традиционных культур в современное общество

**Елена Евгеньевна Марченко^{1✉}, Виктор Георгиевич Орешкин²,
Ольга Васильевна Плебанек³**

^{1, 2, 3}Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}helen-m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3724-8304>

²vgritor@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9407-1912>

³plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>

Введение. Дается анализ базовых понятий этнокультурного дискурса и поднимается проблема неопределенности понятийного аппарата, на основе которого строится теория межкультурных взаимодействий, что затрудняет внедрение научных исследований в практику. Авторы предлагают уточнить категории, актуальные именно для нашей страны в настоящее время, в контексте формирования основ культурной политики государства и принятия соответствующих законодательных актов. Предметом исследования является система категорий, положенных в основу теорий модернизации и теорий культурных взаимодействий.

Методология и источники. В основу анализа категориального аппарата современной этнокультурной политики положены методологические принципы, сложившиеся в науке в процессе культуроцентристского поворота, который был заложен трудами Т. Парсонса и П. Сорокина.

Результаты и обсуждение. Парадигмальный характер и неопределенное употребление таких категорий, как «традиционные ценности» и «традиционные культуры», создает условия для спекуляций и не позволяет построить взвешенную культурную политику. А необоснованное стремление к консервации архаических культурных паттернов приводит к серьезным противоречиям в целях и результатах реализации культурной политики. Сделан вывод, что для принятия эффективных политических решений необходимо учитывать разницу в использовании понятий в социально-гуманитарных науках и в политической сфере. Следует разделять так называемые «традиционные ценности» и архаические общества, понимая под первыми ценности, традиционные для той или иной культурной системы, безотносительно к понятию прогресса. А под вторыми – архаическими культурами (и обществами, носителями этих культур) – следует понимать культуры, сформировавшиеся на базе примитивной технологии обеспечения жизнеспособности популяции.

Заключение. В такой парадигме культурную политику государства по отношению к архаическим культурам следует строить исходя не только из принципа самоценности культуры, но и из принципа равной доступности гуманитарных благ (защиты здоровья, выбора рода занятий, доступности культурных достижений и образования и др.).

Ключевые слова: традиция, ценности, традиционное общество, традиционные ценности, традиционные культуры, циркумполярная цивилизация, интеграция, информационная технология

© Марченко Е. Е., Орешкин В. Г., Плебанек О. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Марченко Е. Е., Орешкин В. Г., Плебанек О. В. Кому нужны традиционные ценности? Проблема интеграции традиционных культур в современное общество // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 78–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87.

Original paper

Who Needs Traditional Values? The Problem of Integrating Traditional Cultures into Modern Society

Elena E. Marchenko^{1✉}, Viktor G. Oreshkin², Olga V. Plebanek³

^{1, 2, 3}*University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*helen-m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3724-8304>*

²*vgritor@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9407-1912>*

³*plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Introduction. The article analyzes the basic concepts of ethno-cultural discourse, and raises the problem of the uncertainty of the conceptual apparatus, on the basis of which the theory of intercultural interactions is built, which makes it difficult to introduce the results of research into practice. The authors propose to clarify the categories that are relevant specifically for Russia at the present time, in the context of the formation of the foundations of the state's cultural policy and the adoption of relevant legislative acts. The subject of the research is the system of categories underlying the theories of modernization and theories of cultural interactions.

Methodology and sources. The analysis of the categorical apparatus of modern ethno-cultural policy is based on methodological principles that have developed in science in the process of a cultural-centric turn, which was laid down by the works of T. Parsons and P. Sorokin.

Results and discussion. The paradigmatic nature and indefinite use of such categories as “traditional values” and “traditional cultures” creates conditions for speculation and does not allow building a balanced cultural policy. And the unreasonable desire to the conservation of archaic cultural patterns leads to serious contradictions in the goals and results of the implementation of cultural policy. It is concluded that in order to make effective political decisions, it is necessary to take into account the difference in the use of concepts in the social sciences and the humanities and in the political sphere. It is necessary to separate the so-called “traditional values” and archaic societies, understanding by the former the values traditional for a particular cultural system, regardless of the concept of progress. And under the second – archaic cultures (and societies, carriers of these cultures), one should understand cultures that were formed on the basis of primitive technology to ensure the viability of the population.

Conclusion. In such a paradigm of cultural observation of observations of archaic cultures, one should build not only from the study of the intrinsic value of culture, but also from the disclosure of equal accessibility of humanitarian benefits (health protection, choice of occupation, accessibility of cultural achievements and education, etc.).

Keywords: tradition, values, traditional society, traditional values, traditional cultures, circumpolar civilization, integration, information technology

For citation: Marchenko, E.E., Oreshkin, V.G. and Plebanek, O.V. (2022), “Who Needs Traditional Values? The Problem of Integrating Traditional Cultures into Modern Society”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 78–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87 (Russia).

Введение. В последние несколько десятилетий не проходит ни одного философского конгресса (не говоря уже об антропологических и культурологических), где бы не обсуждалась проблема сохранения так называемых традиционных ценностей и традиционных культур. Антропологи и люди, так или иначе причастные к вопросу, пытаются привлечь внимание к проблемам утраты культурных традиций, вымирания малых этнических сообществ и архаических культур. Причем часто смешиваются и совмещаются эти два понятия – традиционные ценности и традиционные культуры, – что еще больше запутывает вопрос, и без того отягощенный парадигмальной неопределенностью социокультурного статуса архаических и традиционных обществ. Нужно ли напоминать, что без четкого понимания того, что стоит за тем или иным понятием, а также без твердой и адекватной постановки методологической позиции никакое политико-правовое решение не приведет к положительным результатам, что показывает мировой опыт взаимодействия традиционных и индустриальных обществ?

Методология и источники. В современном социогуманитарном знании накоплен методологический потенциал, позволяющий анализировать сложные процессы взаимодействия между общественными системами, имеющими разнородные социальные институты и различные системы ценностей. Модернизационные проекты, разрабатывавшиеся для архаических обществ в первой половине XX в., в основе своей имели классическую парадигму социального знания, которая строила модель социального бытия как линейное развитие. Все эти проекты без исключения (американская модель, французская модель, советская модель) не достигли запланированного результата, привели к большим антропологическим, социальным и культурным потерям. Но и получившая популярность неклассическая модель социальной динамики, основная идея которой заключается в самоценности и самодостаточности культурных систем и непроницаемости ценностных систем, не оправдала себя. Решить проблему взаимодействия общественных систем с различными технологическими укладами можно на базе постнеклассических подходов, которые представлены в работах В. С. Степина [1] и ряда ведущих ученых страны [2], а также в зарубежных исследованиях [3].

Результаты и обсуждение. Так, например, широко пропагандируемый в Якутии проект так называемой циркумполярной цивилизации пока не сопровождается серьезным анализом этих самых традиционных ценностей на предмет их совместимости с современными технологиями, а как следствие, и с современным уровнем социальной защищенности. Апологеты концепции циркумполярной цивилизации пока ничего не могут предложить в качестве альтернативы ценностям модерна, кроме «новой концепции поселения, которая отражает альтернативную индустриальной модели модель деятельности. Ее сутью является создание постиндустриального сектора на основе инноваций, укрепление и эффективное использование интеллектуального потенциала, развитие образования, науки и информационных технологий, сохранение наследия, ценностей и идентичности коренных малочисленных народов» [4]. Надо ли уточнять, что инновационность – ценность, альтернативная традиционализму? И надо ли объяснять, что «органично входить очаги развития местной и национальной культур» (из статьи этих же авторов) в постиндустриальную цивилизацию не могут, так как кочевой образ жизни и как раз принципиально иные ценностные установки и культурные паттерны не позволяют достичь такого образовательного уровня, который необходим для освоения и внедрения информационных технологий? Ю. Хазанкович выделяет

эту особенность традиционной культуры малых народов Севера: «Одна из характерных черт эпической среды – отсутствие стремления слушателя к получению новой информации» [5]. Кому еще неясно, что, во-первых, центральной ценностью информационной цивилизации, на основе которой возможно «создание постиндустриального сектора на основе инноваций» (который предполагают построить на основе традиционных культур Т. Богатырева и И. Ложникова), является как раз стремление к новационности, а во-вторых, что именно с отсутствием стремления к получению новых знаний у представителей коренных народов Севера сталкиваются вузовские (и не только) преподаватели?

Вопрос интеграции традиционных культур в современную социально-технологическую систему достаточно сложен, но чтобы избежать спекуляций и декларативности, следует прежде всего определиться с базовыми категориями, имеющими парадигмальное содержание и требующими ясности: традиционное общество, традиционная культура, традиционные ценности, – группирующимися вокруг понятия «традиция». Понятие традиции содержит в себе две интенции, но при этом как в обыденном, так и в научном дискурсе под ядром семантического поля понимается только одна из них, в соответствии с той парадигмальной основой, которой придерживается автор. Чаще всего в качестве смысловой основы понятия «традиция» понимается обычай. В понятии традиции фиксируется идея происхождения из прошлого, того, что обычно, обыденно повторяется, т. е. это нечто, транслируемое без изменений. Иногда акцентируется именно этот смысл, и тогда с концептом традиции связывается интенция консерватизма. Неслучайно традиционализм ассоциируется с отсталостью, сопротивлению новациям, изменениям. Идея стабильности, неизменности, конечно, присутствует в прямом значении этого слова, но эта интенция не единственная. Латинское значение *tradition* – «предание, обычай», транслируемое в европейские языки, восходит к глаголу *tradere* – «передавать». А у этого глагола нет такой ярко выраженной интенции консерватизма: передавать можно как в одном, так и в другом направлении; передавать можно и то, что для одного из субъектов трансляции является чем-то новым. Поэтому вторая интенция, присутствующая в коренном понятии традиции, – передача от одного субъекта к другому.

Исходя из этих двух интенций, содержащихся в семантическом ядре лексемы, и в силу эпистемы, которая формировала западноевропейское мышление, в прогрессистской концепции бытия традиция понималась как оппозиция и даже как антагонистическая оппозиция новации. В классической парадигме науки, с ее тенденцией к абсолютизации значений, однозначности контекста, безальтернативности решений возникло и представление о линейности исторического процесса, который понимался как физическое течение времени, а следовательно, и о наличии только двух векторов измерения социального бытия – ретроспективного и перспективного. В этой парадигме общественное бытие также имеет дуальную интерпретацию – прогресс и регресс, традиция и новация, а следовательно, и общества – современные (*modern*) и традиционные. Но эпистема неклассической парадигмы науки подразумевала уже другое соотношение традиции и новации. Принцип релятивизма, лежащий в основе неклассической парадигмы, уже не позволяет в социальной теории однозначную оценку, универсальную цель бытия, линейность развития. Понятия традиции и новации уже перестали располагаться на одной шкале социальных трансформаций, они заняли функциональное положение по отношению друг к другу: традиция стала пониматься как механизм

трансляции новаций в социальной системе. Применительно к социальным трансформациям стало разрешенным тавтологичное или парадоксальное в прежней эпистеме словоупотребление: консервативная традиция и прогрессистская традиция.

Таким образом, концепт традиции оказался более объемным, чем исходная лексема, и его содержание оказалось связанным с принятой парадигмой. Но парадигмальный характер базовых понятий затрудняет научный дискурс – представители разных научных школ, в основе которых лежат разные научные парадигмы, произнося одни и те же слова, говорят на разных служебных языках. В связи с этим связанные понятия тоже оказываются неоднозначными. Например, понятие традиционных ценностей может быть определением и концептом. Традиционные ценности могут выступать как понятие, обозначающее ценности, принадлежащие к определенному типу общества, а именно – консервативного, ориентированного на прошлое, и тогда это – концепт, под которым понимается набор вполне определенных ценностей – коллективизм, созерцательность, природоцентризм и т. д. Но это понятие может выступать и как прилагательное, и тогда это указание на принадлежность любому типу социальной системы, имеющей специфику, в том числе модернизированному обществу. Тогда традиционные ценности для Запада – индивидуализм, активизм, агонизм и т. п. А традиционные ценности для Востока – коммунитаризм, пассеизм и т. д.

Вторая категория, которая лежит в основе дискурса о традиционных культурах и их ценностях, – сами ценности. Теория ценностей еще очень молода, чтобы говорить о каком-то доминирующем подходе; скорее, существует обильная критика альтернативных подходов (например, [6]). Не преследуя в данном рассуждении цели окончательного разрешения проблемы природы ценностей, все же следует указать, что ценности не только регулируют и направляют человеческую деятельность, но и сами являются производными (или, по меньшей мере, когерентными) деятельности. Например, если деятельность, обеспечивающая жизнеспособность популяции, связана с кооперацией и консолидацией, то повышение эффективности деятельности и устойчивости общественной системы в значительной степени зависит от эффективности мотивации, определяемой ценностями: приоритет целого перед частным, приоритет государства перед семьей, приоритет Мы перед Я. Такова система ценностей земледельческих обществ, в частности, китайской цивилизации, которая (система ценностей) актуализируется в религиозных, философских концепциях и традициях. Если доминирующая деятельность связана с личным риском (морская торговля), личной ответственностью (ремесло), то в такой общественной системе неизбежно формируется идея независимой личности, что получает выражение и в концепции личного спасения, личного выбора и даже личного общения с Богом. Исходя из деятельностного подхода и исторической динамики ценностных систем, под ценностями следует понимать не абсолютную значимость какого-либо объекта или явления, а любой объект материальной или идеациональной природы, наделяемой людьми значением в процессе деятельности. Очевидно, что смена деятельности потребует изменения системы ценностей. В противном случае общество не может эффективно противостоять конкурентам и даже обеспечивать должное единство характера деятельности и приоритетов. Таким образом, устойчивость ценностной системы необходима только в условиях устойчивой среды и неизменного характера обеспечивающей деятельности.

Относительно так называемых традиционных культур это означает, что, во-первых, консервация ценностей препятствует интеграции таких обществ в современную систему социокультурных и технологических отношений на основе равноправия и самодостаточности, так как самодостаточность – это не автаркия, а способность самообеспечения в изменяющихся условиях вне зависимости от внешних источников благ. Во-вторых, ценности, выработанные веками (иногда и тысячелетиями, что и определяется сторонниками сохранения культурной традиции как главное достоинство традиционных ценностей – их стабильность), не могут быть мотиватором и регулятором в изменяющемся мире. В-третьих, изменяющаяся среда, в соответствии с которой меняется и характер обеспечивающей деятельности, требует смены ценностных ориентиров. Попытки законсервировать ценности вместе с традиционной культурой возможны только при искусственной консервации образа, а следовательно, и уровня жизни. Это для традиционных обществ означает ограничение доступа к достижениям современных технологий и, что значительно важнее, – к качественному здравоохранению, образованию, участию в управлении территориями.

Правда заключается в том, что некоторые ценности, традиционные для конкретных социумов, способствуют повышению конкурентоспособности популяции и эффективному вхождению на равных правах (которые не в состоянии оспорить оппозиционные популяции) в современный высокотехнологичный мир, а некоторые понижают устойчивость к вызовам среды, естественной и социальной. Например, в русской православной цивилизации ценностное отношение к аскетизму и созерцательности сопряжено с негативным отношением к материальным ценностям, что получило институциональное оформление в монашеском движении нестяжательства и в моральном одобрении нищенствующих как добровольно отрекшихся от имущества. Обратной стороной этой традиционной для православия ценности стало моральное осуждение стремления к зримому результату труда – богатству, и, в свою очередь, богатство стало интерпретироваться не как закономерный продукт и результат труда, а как признак отпадения от морального идеала. Традиционная клановая структура организации социума в странах Средней Азии стала серьезной проблемой и причиной гражданской войны в Таджикистане в 1992–1997 гг. Ценность традиционного уклада настолько стала мешать экономике Таджикистана, что на государственном уровне были приняты законодательные акты, запрещающие празднование свадеб, юбилеев и других частных мероприятий с числом гостей более 100 человек.

Существует и проблема ценностных лагун – отсутствия в социокультурной системе необходимых в современном мире ценностей, – связанной с тем, что эти ценности входят в противоречие с традиционными для данного общества ценностями. Например, отсутствие признания как ценности рациональных знаний в контексте разрушения социалистической системы привело к резкому росту новых религиозных сект и появлению значительного сектора нелегитимных медицинских практик. Доминирование общинного сознания на фоне отсутствия ценности личной ответственности и активности не позволяет развить современные секторы экономики в регионах, включающих традиционные культуры. Отсутствие ориентации на новации, ценности идеи прогресса не позволяет традиционалистскому обществу динамично реагировать на вызовы современности.

Можно, конечно, предполагать, что некоторая часть населения откажется от достижений технотронной цивилизации и обратится к традиционным ценностям, но беда в том, что

представители этих обществ идут только двумя путями. Одни пытаются сохранить традиционный образ жизни (или реанимировать его) и одновременно требуют, как минимум, удовлетворения права на здоровье и жизнь в соответствии с современными стандартами (государственной помощи при катастрофах, недостатке питания и т. д.), которое возможно только при условии, что население другой части страны берет на себя труд, ответственность и риск инновационно выстроить систему ценностей, жизнь и деятельность. Другие «голосуют за образ жизни ногами», включаясь в миграционный исход на Запад за тем же, разделяя уже другую систему ценностей. Попытки создания ценностного синтеза и на основе этого синтеза – жизнеспособных культурных паттернов пока нельзя признать успешными.

Взгляд на современные этнокультурные процессы и межкультурные взаимодействия наталкивает на мысль о том, что, с одной стороны, так называемые традиционные ценности представляют собой механизм сублимации депрессивных социальных групп, не нашедших ресурсов для вхождения в современные социокультурные процессы. Эти ценности позволяют таким группам и целым социумам переживать состояние социальной ущемленности, но не дают преодолеть разрыв между современной технологией и традиционными культурными паттернами. С другой стороны, сам этнотрадиционалистский дискурс спровоцирован политическими элитами, преследующими свои, не сопряженные с интересами этнических групп, цели. Как бы не критиковали британского социолога Б. Андерсона [7], автора конструктивистской концепции этничности, его идея искусственного характера многих этномобилизационных процессов находит свое подтверждение. Эту позицию разделяют, например, Д. С. Семушин, который пишет, что «этот мнимый объект <циркумпольная цивилизация> если и достоин изучения, то только для того, чтобы определить истинные цели идеологов, его породивших» [8], а также ряд других исследователей [9; 10]. Всесторонне исследуя эту проблему, Ю. Ф. Лукин приходит именно к такому выводу: «Создание парламента <этнического – саамов> – это в первую очередь политическая акция, отношения по поводу власти, а потом уже языка, культуры, экологии. В Арктике к этому еще добавляется запах нефти и газа, влияние Штокмановского проекта на этнополитическую ситуацию» [11, с. 77].

Традиционные ценности важны для сохранения этнокультурной идентичности. Осталось определить, какие ценности мы в состоянии сохранить без ущерба для адаптационно-эволюционных возможностей общественной системы, без ущерба для ее развития или за счет чего/кого будет обеспечиваться высокий уровень социальной защищенности и удовлетворения потребностей всех социальных групп, включая тех, кто продолжает жить экстенсивным традиционным хозяйством, рассчитывая на государственное снабжение средствами связи, необходимой техникой, врачебной помощью и продовольствием в критической ситуации. Конечно, своевременно и обоснованно принята Декларация ООН о правах коренных народов, в которой детально прописано, что коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право не подвергаться принудительной ассимиляции или воздействию в целях уничтожения их культуры (статья 8); коренные народы имеют право на достоинство и многообразие их культуры, традиций, истории и чаяний, которые должны соответствующим образом отражаться в сфере образования и общественной информации (статья 15); коренные народы имеют право определять себя или свою этническую принадлежность в соответствии со своими обычаями и традициями (статья 33) [12]. Но это не означает необходимости внед-

рения кропления конским хвостом под шаманский бубен официальных мероприятий (чему один из авторов статьи был лично свидетелем на научной конференции в г. Якутске) и консервации экстенсивных методов хозяйства, когда весь мир перешел к интенсивному (не усиленному, а разумному) использованию среды.

Заключение. В заключении подчеркнем, что политика бывает эффективна тогда, когда в основе ее лежит полноценная, верифицированная теория, во всех остальных случаях политические проекты представляют собой по меньшей мере утопии, а иногда и роковые ошибки. Социально-гуманитарные науки прошли уже рубеж становления, когда понятия могли иметь противоположные значения, но в обыденном дискурсе, который часто переходит в профессиональный – политический, – эти понятия все еще используются вульгарно (простонародно). Однако со времен Сократа известно, что путь достижения истины лежит через dialogue (буквально: через слово) – через однозначное словоупотребление. В этом контексте следует помнить, что ценности не являются абсолютными и трансцендентными, что они возникают именно в процессе деятельности людей, а потому их можно и следует переосмысливать. Что дихотомия «традиционные культуры – современные культуры» не является ни логически обоснованной (типологически культурных систем более двух), ни аксиологически нейтральной (скорее наоборот, в обыденном мышлении отдается предпочтение традиционным культурам вследствие неприятия ценностей модерна, которые конституируют чуждую цивилизацию), а поэтому методологически неадекватна решаемым в современной политике задачам. Что при принятии политических решений, за которыми стоит не идеология, а цель обеспечения равных прав на блага современных технологий различных этнических групп, а также цель доступности культурных достижений для удаленных территорий, правильнее использовать казалось устаревшую категорию «архаические культуры». И следует помнить, что давно существующее мнение о том, что особенностью социально-гуманитарного знания является его аксиологическая нагруженность, в некотором смысле отражает положение вещей в познании, но в современной теории познания это обстоятельство не исключается, а преодолевается в разрабатываемой постнеклассической методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
2. Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Вып. 1. Познавательные возможности культурологии / под ред. А. Я. Флиера. М.: Согласие, 2011.
3. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / пер. с англ. А. Захарова; под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
4. Богатырева Т. Г., Ложникова И. Ф. Арктика – территория экологического и социокультурного развития. URL: <http://viperson.ru/articles/arktika-territoriya-ekologicheskogo-i-sotsiokulturnogo-razvitiya> (дата обращения: 22.10.2021).
5. Хазанкович Ю. Культура народов циркумполярной зоны: особенности формирования «первичного» мышления // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 53–60.
6. Овчарова Т. Н. О природе ценностей // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1. С. 477–494.

7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
8. Семушин Д. С. «Циркумпольная» лженаука – против Русской Арктики // ИА REGNUM. 21.02.2012. URL: <https://regnum.ru/news/1501301.html> (дата обращения: 22.11.2021).
9. Кефели И. Ф. Циркумпольная цивилизация в геочивилизационной структуре глобального мира // Партнерство цивилизаций. 2013. № 4. С. 354–365.
10. Круглова Л. К. Мультицивилизационная идентичность в контексте теории циркумпольной цивилизации // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33). С. 99–114. DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-99-114.
11. Лукин Ю. Ф. Перфоманс этнокультурного ландшафта Арктики в глобальном и региональном измерениях // Арктика и Север. 2011. № 1. С. 56–87.
12. Декларация ООН о правах коренных народов. 13.09.2007. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 19.11.2021).

Информация об авторах.

Марченко Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук (2001), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смольякова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: история России, история старообрядчества, история Санкт-Петербурга.

Орешкин Виктор Георгиевич – кандидат педагогических наук (2006), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смольякова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: образование, имиджология, гуманитарные педагогические технологии.

Плебанек Ольга Васильевна – доктор философских наук (2016), доцент (2004), заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смольякова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия культуры, глобальные процессы, цифровизация общества.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.12.2021; принята после рецензирования 11.01.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Stepin, V.S. (2011), *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture], SPbGUP, SPb., RUS.
2. *Kul'turologicheskaya paradigma: issledovaniya po teorii i istorii kul'turologicheskogo znaniya i obrazovaniya. Vyp. 1. Poznavatel'nye vozmozhnosti kul'turologii* [Culturological paradigm: research on the theory and history of cultural knowledge and education. Issue. 1. Cognitive possibilities of cultural studies] (2011), in Flier, A.Ya. (ed.), Soglasie, Moscow, RUS.
3. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress* (2002), Transl. by Zakharov, A., in Harrison, L. and Huntington, S. (eds.), Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, Moscow, RUS.
4. Bogatyreva, T.G. and Lozhnikova, I.F. (2015), *Arktika – territoriya ekologicheskogo i sotsio-kul'turnogo razvitiya* [The Arctic is a territory of ecological and socio-cultural development], available at: <http://viperson.ru/articles/arktika-territoriya-ekologicheskogo-i-sotsiokulturnogo-razvitiya> (accessed 22.10.2021).

5. Khazankovich, Yu. (2013), "Culture of northern indigenous peoples: feature composition of primary thinking", *Arctic. XXI century. Humanitarian sciences*, no. 1, pp. 53–60.
6. Ovcharova, T.N. (2004), "On the nature of values", *Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series: social sciences*, no. 1, pp. 477–494.
7. Anderson, B. (2001), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V., KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
8. Semushin, D.S. (2012), "'Circumpolar' pseudoscience – against the Russian Arctic", *IA REGNUM*, available at: <https://regnum.ru/news/1501301.html> (accessed 22.11.2021).
9. Kefeli, I.F. (2013), "Circumpolar civilization in the geo-civilizational structure of the global world", *Partnership of Civilizations*, no. 4, pp. 354–365.
10. Kruglova, L.K. (2019), "Multicivilizational identity in the context of the theory of circumpolar civilization", *Human. Culture. Education*, no. 3 (33), pp. 99–114. DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-99-114.
11. Lukin, Yu.F. (2011), "Performance of an ethnocultural landscape of Arctic regions in global and regional measurements", *Arctic and North*, no. 1, pp. 56–87.
12. *United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples* (2007), available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed 19.11.2021).

Information about the authors.

Elena E. Marchenko – Can. Sci. (History) (2001), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. Author of more than 15 scientific publications. Areas of expertise: history of Russia, history of the old believers, history of St Petersburg.

Viktor G. Oreshkin – Can. Sci. (Pedagogy) (2006), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. Author of more than 40 scientific publications. Areas of expertise: education, imageology, humanitarian pedagogical technologies.

Olga V. Plebanek – Dr. Sci. (Philosophy) (2016), Docent (2004), Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. Author of more than 150 scientific publications. Areas of expertise: social philosophy, philosophy of culture, global processes, digitalization of society.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.12.2021; adopted after review 11.01.2022; published online 22.04.2022.*